

★ Даниил ВЕКОВ ★

ОХОТНИКИ НА «ТИГРОВ»

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Даниил Веков

Охотники на «Тигров»

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веков Д.

Охотники на «Тигров» / Д. Веков — «Махров», 2018 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-6040913-3-3

Жестокий и страшный 1942-й год... Немецкие армады рвутся к Сталинграду, до Волги – уже рукой подать. В это время Гитлер задумывает новый штурм города на Неве, для чего посылает в наступление свои новейшие тяжелые танки – «Тигры». С их помощью немцы надеются взять непокоренный, гордый Ленинград... Возле станции Мга происходит первое столкновение «Тигров» с частями Красной Армии. Молодые неопытные танкисты капитана Ефима Жданова вступают в неравный бой с неведомыми по силе и мощи стальными монстрами, созданными на лучших немецких заводах... Повлияют ли на исход боя калибр орудий и толщина брони? Или победа зависит от стойкости и мужества бойцов? Роман основан на реальных событиях.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6040913-3-3

© Веков Д., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	20
Глава третья	26
Глава четвертая	31
Глава пятая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Даниил Веков

Охотники на «Тигров»

© Веков Д., 2018

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

* * *

*Памяти деда, Тимофея Васильевича Голдова, погибшего под
Ленинградом.*

Пролог

В лесу было душно, жарко, солнце пекло невероятно, от него не спасали даже сосны – их ветви качались слишком высоко, почти не давая тени. Густо пахло нагретой землей, иголками и мхом, а еще нудно звенели комары: несмотря на конец августа и близкую осень, вились вокруг людей и нагло атаковали – совсем как юркие, быстрые «мессершмитты».

– Ненавижу этих насекомых! – раздраженно произнес Адольф Гитлер, прихлопнув очередного наглеца у себя на руке. – Не дают спать. Даже москитная сетка от них не спасает – пролезают сквозь малейшие щели в окнах.

– Что делать, мой фюрер, это природа! – сочувственно заметил командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Кюхлер. – С комарами очень трудно бороться!

– У вас под Ленинградом их тоже хватает? – поинтересовался Гитлер.

– О, их там намного больше! – протянул Кюхлер. – Вокруг сплошные болота, торфяники, речки – в общем, очень много воды. Весной, как только потеплело, сразу же вылетели на охоту. И летают до сих пор... Причем не только поодиночке или маленькими группками, как здесь, но и целыми эскадрильями и воздушными армиями. И даже наш дорогой Геринг со всем своим Люфтваффе не спасет от них! Хотя, конечно, было бы неплохо, если бы его асы хоть немного уменьшили комариные армады. Но пока приходится их терпеть!

Фюрер чуть улыбнулся – шутка про Геринга ему явно понравилась. Однако настроение не сильно изменилось – уже который день он чувствовал себя крайне плохо: постоянные головные боли, раздражительность, нервные срывы, озлобленность... Тяжелая, липкая духота и жара не давали спать, а тут еще эти комариные полчища! Зря, наверное, он согласился на Винницу, надо было сделать ставку в другом месте. Конечно, здесь отличный сосновый бор, прекрасный воздух, но... Жара и проклятые комары все портят. Просто с ума можно от них сойти!

Фюрер посмотрел вверх, на бездонное синее небо (ни одного облачка!) и решил, что погулял уже достаточно. Врачи рекомендовали ему совершать ежедневный моцион, и он строго следовал их советам: ходил по лесу полчаса утром, после завтрака, и столько же днем, после обеда. А затем возвращался к себе в коттедж и работал.

В небольшом кабинете (он же – комната для совещаний) просматривал донесения с фронта, читал бумаги, писал письма...

Сейчас ему предстоял нелегкий разговор с командующим 11-й армией Эриком фон Манштейном. И опять – по поводу проклятого города, который вот уже второй год никак не удастся взять. Ни голодом задуть, ни воздушными налетами уничтожить, ни артиллерийскими обстрелами стереть с лица земли. И не сломить сопротивление защитников – жителей и военных. Однако теперь все должно быть иначе: он твердо решил покорить Ленинград. Поэтому и пригласил к себе в ставку двух крупнейших военачальников Третьего рейха – фон Кюхлера и Манштейна.

Последний только что вернулся из Румынии, где у него был короткий отпуск. Что и говорить, заслужил – герой Крыма, покоритель Севастополя и Керчи! И, между прочим, очень опытный специалист по взятию неприступных крепостей. За свои заслуги фон Манштейн недавно получил звание генерал-фельдмаршала – вполне справедливо...

Значит, ему и следует поручить штурм Ленинграда, решил Гитлер, а то одному Георгу Линдеману никак не справиться. И даже серьезное пополнение 18-й армии людьми и техникой ему не поможет – нет уже у генерал-полковника прежнего задора и уверенности, с которыми когда-то наступал на Ленинград. Что является весьма и весьма прискорбным...

Линдеман в последнее время совсем потерял инициативу, топчется у стен города, но никак не решится на штурм... А ведь совсем недавно за храбрость и геройство, проявленные на

Восточном фронте, его удостоили немалой чести: переименовали Гатчину в Линдемаштадт. Видимо, поспешили. Хотя да – в ликвидации большевистского прорыва у Любани он сыграл важнейшую роль: 18-я армия смогла достаточно быстро уничтожить значительную часть русской Второй ударной, а генерал Власов сам сдался в плен...

Но это было все в прошлом, теперь же надо думать о будущем. Причем самом ближайшем: перед 18-й армией стоит важнейшая задача – прорваться вдоль западного побережья Ладожского озера и соединиться, наконец, с войсками маршала Маннергейма. И, таким образом, полностью замкнуть кольцо вокруг упрямого города. Линдеман должен за месяц-полтора разгромить Ленинградский фронт, овладеть, совместно с финнами, городом и ликвидировать Балтийский флот. У операции, между прочим, очень неплохое название – «Волшебный огонь»...

Сейчас для нее самое удобное время: вермахт стремительно наступает, германские дивизии всего за месяц разгромили советские Брянский, Юго-Западный и Южный фронты, продвинулись более чем на четыреста километров... А еще – овладели Донбассом, взяли Ростов-на-Дону, развернулись в большой излучине Дона. Панцергренадеры 14-го танкового корпуса уже заливают волжскую воду в радиаторы своих машин. А впереди им видны рабочие окраины и заводы Сталинграда...

Скоро 6-я армия Паулюса и 4-я танковая Гота обойдут город Сталина и окончательно перережут главную водную артерию России, связывающую ее промышленный центр с Закавказьем и Средней Азией. И тогда поражение Красной армии станет неизбежно. Тем более что она за последние два месяца понесла огромные потери – почти полмиллиона человек, две с половиной тысячи танков, четырнадцать тысяч орудий и минометов... Вряд ли сможет уже восстановиться! Генерал-полковнику Вейхсу осталось совсем чуть-чуть: взять Сталинград и спуститься вдоль Волги до Астрахани. К концу осени 1942 года он должен встать на линии Ленинград – Сталинград – Астрахань, как и было запланировано с самого начала...

...Дела под Сталинградом идут просто замечательно, пора заняться дальнейшим наступлением германских войск в Иран и на Ближний Восток. Генерал-фельдмаршал Лист, командующий группой армий «А», скоро овладеет всем восточным побережьем Черного моря и лишит Советский Союз важных портов. Нужно как можно скорее овладеть Майкопом, Армавиром и Грозным (это горючее для танков и самолетов!), прорваться через Кавказские перевалы на юг, оседлать Военно-Грузинскую дорогу и к середине осени выйти к Каспийскому морю и Баку. Тогда мы захватим не только богатейшие нефтяные месторождения Советов, но и, что важнее, прорвемся в Иран, оставив без топлива и саму Британию. Ну, а потом – стремительный рывок к столь желанной, сказочной Индии! И с ее утратой падение Соединенного Королевства станет неизбежным...

Черчилль, конечно, никогда не пойдет на мир, думал Гитлер, немедленно подаст в отставку, это будет очень хорошо. Наконец вместо упрямого бульдога к власти в Британии придут здравомыслящие люди! «Партия войны» сменится «партией мира», и новый глава правительства (надеемся, им станет наш большой друг Ллойд Джордж) выберет мир. Мы, конечно, пойдем на мирные переговоры, причем с почетными для британцев условиями. Пусть сохраняют лицо, раз им так важно! В конце концов, бритты тоже принадлежат к арийской расе, по сути, наши двоюродные братья... Нет никакой причины, чтобы драться с ними, надо прекратить, наконец, эту бессмысленную, кровавую бойню, длящуюся уже почти три года. У нас, европейцев, по большому счету, один общий враг – русские варвары, чьи бесчисленные орды угрожают существованию самой цивилизации. Вот с ними (а не друг с другом!) и нужно бороться, причем решительно и беспощадно, до полного уничтожения!

* * *

...От этих мыслей фюреру сделалось немного лучше, и он улыбнулся. А потом предложил фон Кюхлеру проследовать в коттедж – чтобы перейти непосредственно к делам. Там их ждал Эрих фон Манштейн.

В скромной комнате (письменный стол, книжный шкаф, камин, стол для совещаний с разложенными картами) было гораздо прохладней, чем в лесу, и Гитлер вздохнул с облегчением. Все-таки жара основательно надоела. Он за руку поздоровался с Манштейном (знак особого расположения!) и показал на стул – садитесь. Однако генерал остался стоять.

Фюрер переложил карты с места на место, нашел нужную – окрестности Ленинграда. И неожиданно перешел на крик:

– Год! Уже почти год Петербург находится в блокаде, а его жители гибнут от голода. И что? Умиравший город держит за горло сытых, живых людей! Я имею в виду – наши 16-ю и 18-ю армии, а также воздушный флот Рихтгофена. Получается, что это не мы окружили русских, а они – нас. Одиннадцать месяцев большевики не дают возможности сотням тысяч немецких солдат принять участие в операциях, которые должны решить, наконец, исход войны! Ленинград и Сталинград – это само олицетворение большевистской власти, они должны быть непременно взяты. Судьба Сталинграда, можно сказать, уже предрешена, еще несколько недель – и с ним будет покончено, но Ленинград вонзился в тело моих войск, как отравленная стрела. Я спрашиваю вас, Манштейн, вы сможете вынуть ее? Эту стрелу?

Командующий 11-й армией, естественно, кивнул. Хотя, если честно, мысль, что его армию перебрасывают для взятия города на Неве, совсем его не радовала. В июле генерал тщательно, вместе со своим штабом, проработал план форсирования Керченского пролива и высадки на Тамань, однако, когда через месяц вернулся из Румынии, оказалось, что эти бумаги можно спокойно выбросить в урну.

У фюрера возникла новая идея – перекинуть 11-ю армию и всю тяжелую артиллерию, освободившуюся после взятия Севастополя, под Ленинград. Часть войск и мортиры уже отправились, часть – только еще готовились. Генералу Манштейну приказали срочно следовать за ними... Причем во время переброски его 11-я армия неожиданно «похудела» на три дивизии: одну оставили в Крыму для поддержания порядка, вторую послали на остров Крит, а третью передали группе армий «Центр» – для затыкания очередной дыры. От 11-й армии, по сути, осталось чуть больше половины. Правда, обещали дать несколько дивизий – уже на месте... Но одно дело – сплоченные, хорошо знающие друг друга боевые части и совсем другое – новые соединения. Придется, по сути, заново налаживать взаимодействие между ними, а это лишняя трата времени и сил...

К тому же Манштейн сильно сомневался, что будет полезен под Ленинградом. Судьба военной кампании 1942-го решалась, по его мнению, не на севере России, а на юге. Гораздо важнее было как можно скорее высадиться на Тамани, чтобы не дать советским войскам укрепиться и занять прочную оборону... Той же точки зрения придерживался, кстати, и начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер, но к его мнению Гитлер в последнее время совсем не прислушивался...

Фюрер, как Верховный главнокомандующий сухопутными силами, сам решал, где наступать, где проводить летние операции, не слушая ничьих советов. И легко отправлял армии туда, куда считал нужным.

...И вот 11-й армии Манштейна предстояло штурмовать хорошо укрепленную, глубоко эшелонированную оборону русских. Где, по данным немецкой разведки, против девяти с половиной дивизий вермахта стояли как минимум девятнадцать советских. И это не считая опол-

ченцев и добровольцев, которые, несомненно, выйдут на защиту своего города, как только станет необходимо...

Опытнейший генерал прекрасно понимал, что ему ни в коем случае нельзя ввязываться в уличные бои, это непременно приведет к гибели армии... Единственный способ выполнить поставленную задачу – совершить быстрый рывок вдоль Ладожского озера и, двигаясь на север, достичь позиций финнов. А потом вместе с ними пытаться что-то сделать с упрямыми защитниками города...

Манштейн знал, что финны брать Ленинград не хотят. Маршал Маннергейм прямо заявил, что он уже достиг всего, что намечал: финские войска вышли на старую границу и даже отхватили часть советской территории. Поэтому свою миссию он считает выполненной, а дальнейшее наступление на город – бессмысленным...

...И кто сможет заставить его воевать дальше? Пожалуй, никто. Даже фюреру это не по силам.

– Наша подготовка к наступлению, понятное дело, не является для русских секретом, – продолжил между тем Гитлер, – они же не слепые, в самом деле! Самое логичное для них, как мне кажется, – ударить силами Волховского фронта на Мгу – фюрер показал на карте, – чтобы перерезать узкую горловину, занимаемую нашими войсками. Но ее нельзя ни в коем случае терять, Мга крайне важна для снабжения 18-й армии! Для защиты ее я планирую выделить дополнительные части, и в том числе – наши новейшие танки, «тигры». Подобных нет ни у кого! Даже русские тяжелые «Ворошиловы» не могут с ними тягаться! Надеюсь, с их помощью, а также благодаря вашим умелым действиям, господа, нам удастся успешно провести наступление. Мне нужен результат! И я рассчитываю услышать от вас хорошие новости уже к концу сентября...

На этом Гитлер закончил. Обсудили еще несколько вопросов, но главное уже было сказано – Ленинград должен быть взят! Причем во что бы то ни стало. И как можно скорее – надо высвободить войска для решающего удара под Сталинградом. А впереди еще Кавказ, Иран, Индия...

Фюрер проводил Манштейна и фон Клюге до порога коттеджа, а затем вернулся к столу. И снова склонился над большой, подробной картой Ленинградской области...

* * *

Из дневника начальника Генштаба ОКХ Франца Гальдера:

«23 августа 1942 года, 428-й день войны. Обстановка на фронте. На Кавказе незначительные изменения. Под Сталинградом Паулюс внезапно прорвался через Дон силами 14-го танкового корпуса и вышел к Волге севернее города. Войска левого фланга армии ведут напряженные бои. На Донском фронте вплоть до района Воронежа относительное затишье. Противник предпринимает серьезные атаки против восточного крыла 2-й танковой армии, которые частично приводят к местным вклинениям. У Рейнгардта (3-я танковая армия) авиация существенно разрушила исходные позиции. Под Ржевом в результате усиленных атак противника снова возникла напряженная обстановка. На фронте группы армий «Север» картина остается прежней: как и раньше, отмечаются признаки близкого наступления противника.

Доклад у фюрера. Приказ развернуть 16-ю моторизованную дивизию 1-й танковой армии в направлении Элисты.

У фюрера. Совещание с Кюхлером о положении на фронте группы армий «Север» и о планировании наступления на Ленинград (использование Манштейна)».

* * *

Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами ОКБ (штаб оперативного руководства).

Оперативный отдел № 551288/42.

Ставка фюрера 23.7.1942 г.

Сов. секретно.

Только для командования.

Передавать только через офицера.

ДИРЕКТИВА № 45 НА ПРОДОЛЖЕНИЕ ОПЕРАЦИИ «БРАУНШВЕЙГ»

I

Во время кампании, продолжавшейся менее трех недель, большие задачи, поставленные мной перед южным крылом Восточного фронта, в основном выполнены. Только небольшим силам армий Тимошенко удалось уйти от окружения и достичь южного берега р. Дон. Следует считаться с тем, что они будут усилены за счет войск, находящихся на Кавказе.

Происходит сосредоточение еще одной группировки противника в районе Сталинграда, который он, по-видимому, собирается оборонять.

II. Задачи дальнейших операций

A. Сухопутные силы

1. Ближайшая задача группы армий «А» состоит в окружении и уничтожении сил противника, ушедших за р. Дон, в районе южнее и юго-восточнее Ростова.

Для этого бросить в наступление крупные силы танковых и моторизованных войск с плацдармов в районе Константиновской, Цимлянской, которые должны быть заблаговременно захвачены нашими войсками, в общем направлении на юго-запад, примерно на Тихорецк, а пехотными егерскими и горными дивизиями форсировать Дон в районе Ростова.

Наряду с этим остается в силе задача передовых частей оседлать железную дорогу Тихорецк – Сталинград.

Два танковых соединения группы армий «А» (в том числе 23-ю и 24-ю танковые дивизии) передать группе армий «Б» для продолжения операций в юго-восточном направлении.

Пехотную дивизию «Великая Германия» оставить в резерве ОКХ в районе севернее Дона. Подготовить ее отправку на Западный фронт.

2. После уничтожения группировки противника южнее р. Дон важнейшей задачей группы армий «А» является овладение всем восточным побережьем Черного моря, в результате чего противник лишится черноморских портов и Черноморского флота.

Для этого переправить предназначенные для выполнения этой задачи соединения 11-й армии (румынский горный корпус) через Керченский пролив, как только обозначится успех продвижения главных сил группы армий «А», чтобы затем нанести удар вдоль дороги, проходящей по черноморскому побережью на юго-восток.

Другая группировка, в состав которой войдут все остальные горные и егерские дивизии, имеет задачей форсировать р. Кубань и захватить возвышенную местность в районе Майкопа и Армавира.

В ходе дальнейшего продвижения этой группировки, которая должна быть своевременно усилена горными частями, в направлении на Кавказ и через его западную часть должны быть использованы все его достигнутые перевалы. Задача состоит в том, чтобы во взаимодействии с войсками 11-й армии захватить черноморское побережье.

3. Одновременно группировка, имеющая в своем составе главным образом танковые и моторизованные соединения, выделив часть сил для обеспечения фланга и выдвинув их в восточном направлении, должна захватить район Грозного и частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги по возможности на перевалах. В заключение ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку.

Группе армий «А» будет передан итальянский альпийский корпус. Для этих операций группы армий «А» вводится кодированное название «Эдельвейс». Степень секретности: сов. секретно. Только для командования.

4. На долю группы армий «Б», как приказывалось ранее, выпадает задача наряду с оборонением оборонительных позиций на р. Дон нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой и нарушить перевозки по реке.

Вслед за этим танковые и моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и там также парализовать движение по главному руслу Волги.

Эти операции группы армий «Б» получают кодированное название «Фишрейер».

Б. Авиация

Задача авиации состоит в том, чтобы сначала крупными силами обеспечить переправу войск через Дон, затем оказать поддержку восточной группировке, наступающей вдоль железной дороги на Тихорецк. После этого главные силы ее должны быть сосредоточены для уничтожения армий Тимошенко. Наряду с этим необходимо оказывать помощь наступлению группы армий «Б» на Сталинград и Астрахань. Особенно большое значение имеет заблаговременное разрушение города Сталинграда. Кроме того, следует при случае производить налеты на Астрахань; движение судов в нижнем течении Волги должно быть парализовано путем сбрасывания мин.

В ходе дальнейшего развертывания операций главная задача авиации состоит во взаимодействии с войсками, продвигающимися к портам Черного моря, причем, помимо непосредственной поддержки сухопутных сил, необходимо воспрепятствовать воздействию военноморских сил противника на наступающие войска, взаимодействуя при этом с военноморским флотом.

Далее необходимо выделить достаточное количество сил для взаимодействия с войсками, наносящими удар через Грозный на Баку.

В связи с решающим значением, которое имеет нефтяная промышленность Кавказа для продолжения войны, налеты авиации на промыслы и крупные нефтехранилища, а также перевалочные порты на Черном море разрешается проводить только в тех случаях, когда это безусловно необходимо для операций сухопутных сил. Однако для того, чтобы в ближайшее время лишить противника возможности доставлять нефть с Кавказа, необходимо разрушить используемые для этой цели железные дороги, а также парализовать перевозки по Каспийскому морю.

В. Военно-морской флот

На долю военноморского флота выпадает задача: наряду с непосредственной поддержкой сухопутных сил при переправе через Керченский пролив имеющимися на Черном море силами не дать противнику возможности с моря воздействовать на войска, ведущие операции на Черноморском побережье.

Для облегчения снабжения сухопутных сил по возможности скорее перебросить через Керченский пролив на р. Дон несколько морских паромов.

Штабу военно-морских сил, кроме того, принять необходимые меры для того, чтобы использовать в Каспийском море легкие корабли военно-морских сил для действий на морских коммуникациях противника (транспорты с нефтью и связь с англосаксами в Иране).

III

Операции, к которым сейчас проводится подготовка на участках фронта групп армий «Центр» и «Север», должны быть проведены быстро одна за другой. Таким путем в значительной мере будет обеспечено расчленение сил противника и падение морального состояния его командного состава и войск.

Группе армий «Север» к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое наименование «Фойерцаубер». Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие необходимые части резерва главного командования.

Две немецкие и две румынские дивизии временно остаются в Крыму; 22-я дивизия, как было приказано ранее, направляется в распоряжение командующего войсками юго-восточного направления...

Адольф Гитлер

Часть первая Станция Мга

Глава первая

Отто Небель считал себя везунчиком. Еще бы! Всего двадцать два года, а уже командир танка. Да не какого-нибудь, а нового, тяжелого, только что поступившего в части: Panzerkampfwagen VI, «тигра». Грозная машина, лобовая броня – целых 100 мм, борт и корма – 80. Экипаж – пять человек, отличная оптика, удобное управление, два пулемета – MG-34... Но главное – 88-мм орудие, способное пробить защиту любого советского танка, причем на очень приличном расстоянии – два километра. С ним никакие КВ и Т-34 не страшны!

Судьба, правда, далеко не сразу улыбнулась Небелю: в самом начале военной карьеры ему пришлось непросто. А все из-за небольшого роста и недостаточного веса! Он дважды являлся на призывную комиссию, и его дважды же отправляли обратно – недомерок! И только с третьей попытки, летом 1940-го года, ему удалось, наконец, попасть в армию.

Быть военным Отто мечтал с детства – и именно панцергренадером, как дядя Клаус. Вот он – настоящий герой, гордость семьи, блестящий офицер! Начал, как и полагается, с самых низов: закончил танковую школу в Вюнсдорфе, прошел все положенные ступени – от фенриха до кандидата на офицерское звание. Во время Польской кампании – лейтенант, командир танкового взвода, во время Французской – уже обер.

10-я панцерная дивизия, где служил Клаус Небель, отличилась у реки Маас, а умелые действия молодого офицера отметил сам генерал Гудериан. Последовали награды: Железный крест 2-й категории, звание гауптмана и должность командира панцерной роты.

Проявил себя Клаус и через год, в июне-июле 1941-го: его танкеры первыми форсировали Западный Буг и стали успешно продвигаться на восток. Но вскоре им пришлось притормозить: тяжелые бои у Радехова и особенно под Дубно значительно потрепали 11-ю танковую дивизию, а роковая встреча с тяжелым КВ у реки Стырь чуть не стоила самому Клаусу жизни. Но хуже всего было то, что после этих неудач его резко понизили в должности...

К счастью, вскоре удалось реабилитироваться – вернулся в роту, а умелые действия и смелость, проявленные под Харьковом, помогли окончательно забыть о неудачах. Клаус получил Железный крест 1-й категории и звание майора. Во время наступления на Керчь в 1942-м он командовал уже батальоном, его даже отметили в приказе по корпусу. Затем 22-ю танковую дивизию отправили на север, под Ленинград...

Отто, узнав о прибытии 11-й армии (а с ней – и 22-й панцерной), очень обрадовался. Ему хотелось похвастаться перед дядей собственными успехами: тоже кое-чего добился! Выучился на танкиста (хоть и с третьего раза), стал заряжающим в Pz.38(t).

В конце июня 1941-го года его 21-й панцерный полк наступал на Вильнюс и Минск, под Витебском он был ранен: танк угодил под прямой выстрел 45-мм противотанковой пушки... Вот тут и выяснилось, что чешская сталь – не такая уж и хорошая, очень непрочная. Нет у нее должной вязкости, легко колетса от снарядного удара. А сорвавшиеся болты, словно пули, калечат экипаж...

Осколками броневое листа в его машине стрелку-радисту оторвало левую руку, а самому Отто выбило передние зубы и сильно посеколо лицо. Но Небель героически дотерпел до конца сражения. Это оценили, и вскоре он получил направление в Вюнсдорф, в знаменитую танковую школу – учиться на лейтенанта. Однако стать офицером опять не получилось (подвел про-

клятый рост!), и Отто остался заряжающим. И вернулся в свой 21-й панцерный, стоявший уже где-то под Гжатском.

Страшную зиму 41-го года пережили далеко не все в полку, но юному Небелю повезло: не только сам уцелел, но и сумел продвинуться – к лету 1942-го стал уже обер-фельдфебелем, командиром танка. Правда, это произошло главным образом потому, что слишком много человек выбыло у них за три зимних месяца: смерть, увечья, тяжелые ранения, обморожения...

Отто, наконец, доверили танковый взвод. Это был уже успех! Но настоящий подарок капризная фортуна преподнесла ему в июле – в виде танка Pz.VI. «Тигры» только поступили в Панцерваффе, требовалось их обкатать, проверить в сражениях. Для этого был срочно создан 502-й отдельный батальон тяжелых танков, sPzAbt, куда и направили молодого взводного.

Эмблемой новой части стал мамонт с воинственно поднятым хоботом, а командовал батальоном майор Меркер, опытный, грамотный офицер. В конце июля шесть «тигров» и несколько Pz.III погрузили на железнодорожные платформы и отправили на Восточный фронт – через Ганновер, Восточную Пруссию, Псков и Лугу до станции Мга.

Отто очень гордился новым назначением: даже дядя Клаус не видел еще таких танков! Немного огорчало лишь то, что батальон, к сожалению, не был полным: всего одна рота (девять танков вместо положенных восемнадцати), но ничего, будем сражаться пока так...

Обкатывать «тигры», как стало понятно, предстояло в весьма сложных условиях. Командир первой роты, обер-лейтенант фон Гердтель, лишь недовольно морщился, когда смотрел на карту местности: много рек, болот, сплошные торфяники. И наверняка – непролазная грязь! Как почти везде в России... А она для тяжелых панцеров чрезвычайно опасна. Если, не приведи Господи, «тигр» провалится, застрянет где-то, вытащить его будет непросто – при таком-то весе!

* * *

...Наблюдая за разгрузкой панцеров, Отто думал, что мамонт, пожалуй, весьма удачная эмблема батальона: очень сильное животное, с большими, грозными бивнями. Но, к сожалению, страшно тяжелое. Из школьного курса истории Небель знал, что мамонты, некогда обитавшие на севере Европы и в Сибири, часто попадали в ловушки и погибали: намертво вязли в болотах, грязевых ямах, размокшем торфе... Их останки теперь находят на берегах рек и озер, причем в хорошем состоянии.

Он сам видел желтые кости доисторических слонов в Историческом музее, куда его класс водили на экскурсию. Школьный учитель подробно рассказывал о жизни мамонтов, о том, как они паслись на травяных равнинах, как мигрировали на юг и возвращались на север весной... А также о том, как охотились на них первобытные люди: загоняя в ловушки, убивая большими камнями. А потом из бивней мамонтов делали оружие и предметы быта...

Отто поразила одна картина, висевшая в музее: могучий мамонт с длинной грязно-рыжей шерстью беспомощно барахтается в болоте. Завяз, не может выбраться. А другой его собрат уже полностью погрузился в трясину, один только кончик хобота торчит. Несчастное животное жадно засасывает воздух – видимо, в последний раз...

Ужасное зрелище! Отто вспомнилась эта картина, когда он смотрел на выгружаемые тяжелые панцеры, и он подумал: а что если и его танк ждет та же судьба? Он даже ясно представил себе: вот вязкая топь засасывает танк, грязь проникает в башню, он сам не может вылезти, тонет, делает последние глотки воздуха... Нервно поежился: какая мерзость – утонуть в болоте! Нет, лучше смерть в бою. По крайней мере, так честнее и правильнее.

...Тяжелые панцеры один за другим сползали по стальным аппаратам и, глухо ревя, уходили в сторону. Их тут же осматривали техники – проверяли, все ли в порядке. С «тройками», тоже прибывшими на станцию, проблем не было: хоть сейчас в бой. А вот у двух «тигров»

обнаружились неполадки – сильно перегревались двигатели. Но техники обещали быстро все устранить.

* * *

Временный штаб 502-го батальона располагался в одной из комнат длинного одноэтажного вокзала. Деревянное здание с давно не крашеными стенами было буквально забито людьми: одни, как Отто, направлялись на передовую, другие (раненые и отпускники) – в тыл. Многие курили, беседовали, но некоторые – сидели молча или пытались заснуть...

В комнате штаба на столе была разложена карта, Отто подошел поближе, посмотрел: русская «трехверстка». Офицеры вермахта охотно ими пользовались – они оказывались точнее, чем штабные германские.

– Вот, смотрите, – показал командир батальона майор Меркер, – это место, где вам предстоит наступать. Задача – поддержать огнем 1-й батальон 322-го пехотного полка. Во взводе обер-фельдфебеля Небеля будет два «тигра» и два Pz.III, у обер-фельдфебеля Везельга – три «тигра» и один Pz.III. Еще один «тигр» – у командира роты, обер-лейтенанта Гердтеля. Итого – девять машин. Ваши танки, Небель, пойдут первыми, направление – деревня Мишино, взвод Везельга – за вами, а замыкает группу обер-лейтенант Гердтель...

И, предвидя вопрос, сразу пояснил:

– Обратите внимание: почва – вязкая, глинистая. Слева и справа – торфяники, туда соваться вообще нельзя, сразу завязнете, причем по самые башни. Можно только по шоссе, никуда не сворачивая. Все ясно?

Обер-лейтенант Гердтель уточнил:

– Здесь у русских – мост, выдержит ли он? Допустим, с Pz.III проблем не возникнет, пройдут, но наши «тигры»... Пятьдесят семь тонн! И еще деревянные гати, тоже могут разойтись.

– Я дам вам саперов, – понимающе кивнул майор Меркер, – они, если надо, укрепят и мост, и гати. Но помните: ни в коем случае нельзя, чтобы к русским попал хотя бы один «тигр»! При малейшей поломке – немедленно назад, на станцию!

Офицеры кивнули – дело понятное, новый танк светить нельзя, он должен стать для русских настоящим сюрпризом. Очень неприятным!

После совещания Отто решил еще раз проверить свои машины: покопаться вместе с техниками в двигателях, посмотреть, все ли в порядке. Что-то ему подсказывало, что от их состояния завтра будет зависеть многое. Точнее – все. Вот и нужно подстраховаться.

С этими мыслями он вышел из здания вокзала и направился к своему взводу...

* * *

Из дневника начальника Генштаба ОКХ Франца Гальдера:

«25 августа 1942 года. 430-й день войны. Потери с 22.6.1941 года по 20.8.1942 года. Ранено – 1143 482 человека, из них 32409 офицеров; убито – 314998 человек, из них 11615 офицеров; пропало без вести – 69510, из них 995 офицеров. Всего 1 527 990 человек, из них 45019 офицеров.

Обстановка на фронте. На Кавказе без перемен. Под Сталинградом войска Гота натолкнулись на мощную оборонительную позицию противника. На крайнем восточном фланге у него беспокойно. Паулюс медленно продвигается, используя успехи, достигнутые предшеству-

ющим наступлением. Атаки против его западного крыла отражены. На фронте у итальянцев противник добился глубокого вклинения. На остальных участках фронта группы армии «Б» в общем спокойно.

Группа армий «Центр». На фронте 2-й, 3-й танковых и 9-й армий противник продолжал усиленные атаки без существенного успеха.

Группа армий «Север». Обстановка прежняя. Интенсивные железнодорожные перевозки противника в направлении фронта. На Волхове противник переносит вперед свои командные пункты...»

* * *

Оперативная сводка Совинформбюро за 25 августа 1942 года

Лжецы из бандитского дома Гитлер и К°

Германское радио передало заявление «авторитетных военных кругов Берлина», что советская авиация с 15 по 25 августа за время налетов на Кенигсберг, Данциг и другие города Восточной Пруссии якобы потеряла 136 самолетов. На самом деле за все время налетов на военные объекты городов Восточной Пруссии советская авиация не потеряла ни одного самолета. Был случай, когда один самолет вовремя не вернулся на базу, считался потерян, но и этот самолет позже нашелся. Жульническое сообщение лжецов из бандитского дома Гитлер и К° является, во-первых, самым убедительным свидетельством эффективности налетов советской авиации на военные объекты немецких городов и, во-вторых, проявлением бессилия немецкой противовоздушной обороны помешать этим налетам.

В результате налетов советских самолетов немецкие военные объекты летят в воздух, горят, население несет большие потери, и при этом советская авиация не имеет потерь. Германскому командованию приходится выкручиваться и обманывать немецкое население. Раз у русских нет потерь, надо их выдумать; если противовоздушная оборона немецких городов слаба и ничего не может поделать с нашими самолетами, надо попробовать утопить их в чернильнице лжецов. И пытаются утопить. Но занятие это бесполезное. Немцам, которые несут потери от наших налетов, лживые заявления «авторитетных военных кругов Берлина» помогут, как мертвому горчичник, а советские самолеты, принимавшие участие в налетах и все оставшиеся невредимыми, будут эти налеты продолжать.

Утреннее сообщение 25 августа

В течение ночи на 25 августа наши войска вели бои с противником в районах юго-восточнее Клетская, северо-восточнее Котельниково, а также в районах Прохладный и южнее Краснодара.

На других участках фронта никаких изменений не произошло.

Вечернее сообщение 25 августа

В течение 25 августа наши войска вели бои с противником в районах Клетская, северо-западнее Сталинграда, северо-восточнее Котельниково, а также в районах Прохладный и южнее Краснодара.

На других участках фронта существенных изменений не произошло.

Наши корабли в Черном море потопили немецкий транспорт водоизмещением в 5.000 тонн.

За 24 августа частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено 10 немецких танков, 50 автомашин с войсками и грузами, 30 подвод с боеприпа-

сами, 5 автоцистерн с горючим, подавлен огонь 10 батарей полевой и зенитной артиллерии, взорвано 4 склада боеприпасов, рассеяно и частью уничтожено до батальона пехоты противника.

* * *

ПЛАН ВОЕННОГО СОВЕТА ВОЛХОВСКОГО ФРОНТА НА НАСТУПАТЕЛЬНУЮ ОПЕРАЦИЮ НА МГИНСКО-СИНЯВИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

3 августа 1942 г.

I. Цель операции

Наступательная операция Волховского фронта имеет главной задачей разгром мгинской группы войск противника и выход на рубеж Дубровка – р. Нева – Красный Бор с целью соединения с войсками Ленинградского фронта.

II. Замысел операции

Сосредоточив ударную группу войск фронта в полосе 8-й армии, прорвать оборону противника на участке Рабочий Поселок № 7, Вороново и, разгромив мгинскую группировку противника, развить удар в общем направлении Мга, Отрадное.

В ходе наступления надежно прикрыться от ладожской группы противника на фронте Рабочий поселок № 7, Дубровка. Одновременно, по мере развития наступления, создать фронт обороны на рубеже Турышкино, Никольское, Красный Бор с целью надежного обеспечения левого фланга ударной группировки фронта со стороны Любань и Тосно.

По выходе на рубеж Дубровка, Красный Бор совместно с Ленинградским фронтом немедленно уничтожается ладожская группировка противника и в случае благоприятной обстановки развивается наступление с целью овладения Ульяновкой и Тосно.

III. Частные операции

В целях сокрытия направления главного удара и сковывания наибольшего количества частей противника на вспомогательном направлении перед началом основной операции (примерно за 2 дня) проводится частная операция в направлениях на: 1. Дружево, Драчево, Мягры (севернее Чудово). 2. Пертечно, Тушин Остров (сев.-вост. Чудово). 3. Залозье, Слобода (южнее Чудово), создавая впечатление о начавшейся с нашей стороны Чудовской операции.

IV. Противник

Перед Волховским фронтом действует 22 дивизии противника, из них одна танковая и одна моторизованная и, кроме того, 10 отдельных пехотных полков. Непосредственно перед фронтом 8-й армии обороняется три пехотных дивизии противника (227, 223 и 207 пд).

V. План операции, задачи по этапам и боевой состав

Успех операции будет, прежде всего, зависеть от темпа прорыва и успеха его развития. Исходя из этого, необходимо определить силы и средства для прорыва и развития его. Ширина фронта прорыва – 15 км. Глубина прорыва на направлении Дубровка – 16 км; на направлении Отрадное – 28 км.

Учитывая ширину фронта прорыва, глубину его развития и то, что при подходе к р. Нева придется столкнуться со второй полосой обороны, а также учитывая опыт лесных операций, считаю необходимым операцию построить на следующих основаниях:

Войска для прорыва на главном направлении построить в три эшелона:

а) Первый эшелон прорыва. Фронт – 15 км.

Состав: семь стрелковых дивизий, семь танковых батальонов, 600 орудий, пять полков БМ-13, пять полков М-30. Кроме того, для обеспечения флангов – одна стрелковая дивизия и одна стрелковая бригада. Итого в первом эшелоне – восемь стрелковых дивизий, одна стрелковая бригада, семь танковых батальонов, 600 орудий. Командует – командующий 8-й армией генерал-майор Стариков. Член Военного совета – бригадный комиссар Сосновиков, начальник штаба – генерал-майор Кокорев. Задача – прорвать фронт противника, овладеть Синявино, пос. Михайловский, Сиголово.

б) Второй эшелон прорыва. Состав: 4-й гвардейский корпус – две стрелковые дивизии, четыре стрелковых бригады старой организации, три танковых бригады. Командует – командир 4-го гв. корпуса генерал-майор Гаген, комиссар корпуса – бригадный комиссар Лопатенко, начальник штаба – полковник Кудрявцев. Задача – развивать прорыв в общем направлении на Отрадное, имея ближайшей задачей овладеть укрепленным пунктом Мга и выйти на фронт Мустолово, Никольское.

в) Третий эшелон – 2-я ударная армия. Состав: четыре стрелковые дивизии, две стрелковые бригады новой организации, три танковых бригады. Командующий армией – генерал-лейтенант Клыков, член Военного совета – корпусной комиссар Диброва, начальник штаба – полковник Казачек. Задача – соединиться с войсками Ленинградского фронта на рубеже Дубровка, Красный Бор, после чего перегруппироваться в сторону фланга и овладеть районом Ульяновка, Красный Бор...

Предварительные и вспомогательные операции фронта имеют задачей как можно больше сковать сил противника и создать впечатление о начале Чудовской операции.

Для проведения этих операций привлекаются силы: а) направление Драчево, Мягры – две стрелковые дивизии, одна стрелковая бригада и одна танковая бригада; б) севернее и южнее Чудова, на направлениях Пертечно, Тушин Остров и Залозье, Слобода – три стрелковые дивизии.

Всего Волховским фронтом для участия во всех предусмотренных операциях предназначается: стрелковых дивизий – 20, стрелковых бригад – 7, танковых бригад – 6, танковых батальонов – 7, орудий – 600.

VII. Исходя из наличия средств и необходимости прикрытия новгородского, чудовского и волхово-киришского направлений из общего количества тридцати двух стрелковых дивизий, одиннадцати стрелковых бригад и семи танковых бригад Волховского фронта для основной операции, с учетом большого некомплекта в частях, можно выделить семь стрелковых дивизий, семь стрелковых бригад, пять танковых бригад, пять полков БМ-13, 450 орудий.

В случае Вашего утверждения настоящих соображений прошу из Вашего резерва выделить: восемь стрелковых дивизий, семь танковых батальонов, пять полков РС М-30, одну танковую бригаду и 250 танков для укомплектования выделяемых фронтом пяти танковых бригад.

В части авиации, в случае если 14-я воздушная армия будет доукомплектована до нормы, считаю, что авиации будет достаточно. Однако в этом случае количество истребительных полков в истребительных дивизиях необходимо довести, как установлено, до четырех.

VIII. Управление

На период проведения операции в районах Горки (сев.-зап. Войбокало) и Заречье развертывается ВПУ фронта. Для облегчения управления в состав первого эшелона прорыва привлекается управление 6-го гв. корпуса.

Командующий войсками Волховского фронта МЕРЕЦКОВ

Член Военного совета фронта армейский комиссар 1 ранга ЗАПОРОЖЕЦ

Заместитель начальника штаба фронта полковник СЕМЕНОВ

Глава вторая

Зори в конце лета на Ладоге тихие, ясные. Как и само озеро – гладкое, величавое. Небольшие волны неторопливо накатываются на черную гальку, а потом так же медленно, неспешно отходят. Вокруг – глухие, темные леса, сосны и ели, суровая северная природа. Сквозь их чащу не каждый человек пройдет, особенно если не знает местных троп. Легко сбиться с пути, заплутать и пропасть в каком-нибудь болоте...

Другое дело, если у тебя надежный проводник. Как Трофим Мишкин, например. Он из местных, все лесные стежки-дорожки знает, по любому болоту пройдет. Поэтому его и взяли в разведгруппу, хотя и молод еще, девятнадцать лет. Но обещал провести разведчиков к станции Мга не в обход Синявинских высот, как обычно, а напрямую, через торфяники. Значит, получится намного короче и быстрее, не придется лишние километры наматывать.

В разведгруппе, помимо Мишкина, было четыре человека: командир, старший лейтенант Прохоров, его заместитель и правая рука – старший сержант Василий Зайцев, а еще – сержант Федор Колядов и ефрейтор Иван Ткачук. Все – опытные, бывалые воины.

...Вчера начальник штаба 265-й стрелковой дивизии полковник Ватрушев вызвал Матвея Прохорова к себе, показал на карте:

– По нашим данным, на станцию Мга прибыл немецкий эшелон с танками. Надо бы посмотреть, что там такое... Хочу отправить твоих ребят, они этот район лучше всех знают.

Матвей слегка пожал плечами: на станцию постоянно приходят военные эшелоны, что тут нового? А его разведчики только что из-за линии фронта, «языка» взяли. Дорого им этот фриц обошелся! Из шестерых добрались лишь трое. Младший лейтенант Корушев, сержанты Степанов и Васильчук погибли: группа нарвалась на немецкую засаду, пришлось отбиваться. С большим трудом доволокли пленного унтера до своих траншей...

Николай Васильевич вздохнул и пояснил:

– Да, знаю, что только вернулись... Но на станции служит обходчиком наш человек, он и передал: прибывшие танки – новые, он таких раньше не видел. Очень большие, громоздкие, на платформах едва помещаются. Шесть штук, все после разгрузки стоят еще на станции...

Прохоров понимающе кивнул: да, тогда надо посмотреть. Если это новая немецкая бронетехника... Все только и говорят, что о скором нашем наступлении, а тут – неизвестные панцеры. К тому же, судя по описанию, мощные, тяжелые. Немцы приготовили нам сюрприз? Очень некстати...

...Решил взять с собой на задание троих, самых надежных, да еще рядового Мишкина – раз местный. Ночью на рыбацкой лодке вышли на Ладогу. С погодой как раз повезло: тихая и пасмурная, тучи плотно закрыли небо. Очень хорошо – удастся незаметно пристать к чужому берегу.

Гребли осторожно, уключины заранее смазали солидолом, чтобы не скрипели, опускали весла как можно тише. Далеко обогнули немецкие позиции, подошли к берегу. Сплошной линии обороны здесь у гитлеровцев не было – вокруг глухие леса, на километры влево и вправо – одни еловые чащи, между ними – торфяники и болота.

Немцы сидят в основном в рабочих поселках и нескольких уцелевших деревнях, где посуше, вся же остальная территория – практически безлюдная. Леса и болота... Местных жителей почти не осталось: одни отступили вместе с Красной армией, другие уже погибли, а третьи сами ушли к партизанам...

Удачно пристали к берегу, высадились, спрятали лодку в густых зарослях. И бегом в чащу. До станции Мга от Ладоги – примерно двадцать километров, но не по прямой дороге, а по извилистым лесным тропкам и через болота.

Раньше Матвей со своими ребятами перебирался через передовую у поселка Тортолово, это гораздо ближе, но в последнее время немцы сильно укрепились, не пройдешь: поставили мины, натянули колючую проволоку в несколько рядов, а перед самыми траншеями – прочные деревянные стены в три метра высотой.

Они оказались самой надежной защитой в местных условиях. Почва вокруг – топкая, болотистая, чуть копнешь – уже вода, стрелковые ячейки или блиндаж не выраешь. Сидеть же по колено (а то и выше) в мутной жиже – то еще удовольствие. Вот немецкие инженеры и придумали: надо вбить по два-три ряда прочных жердей, оплести их «колючкой» и толстыми ветками (благо, материала – хоть отбавляй) и забить пустоты камнями и глиной. Получается древоземляная стена, служащая хорошей защитой от пуль и осколков. Высота два с половиной – три метра, можно ходить в полный рост, не пригибаясь. Землю для наполнения брали с внешней стороны траншей, получался еще и ров, наполненный холодной водой.

Сверху над стеной сделали навесы из досок и лапника, это спасает от дождя и снега. Через равные промежутки – амбразуры для стрелков, в самых важных точках – огневые точки. Все тщательно продумано и старательно выполнено: знаменитый немецкий орднунг!

Эту «китайскую стену» советским разведчикам оказалось никак не преодолеть – длинная, высокая, отлично охраняется. Обходить же – далеко, через Синявинские топи. Что не лучший вариант. Вот Матвей и выбрал путь через Ладогу: не нужно ползти по болоту, цепляясь за каждый кустик и рискуя провалиться в бездонную глубь... По воде – совсем легкое дело: высадились – и бодрой рысцой к станции Мга. По лесу бежать приятно: под ногами мягко пружинит хвоя, дышится хорошо. Считай, это просто тренировка, бег по пересеченной местности. Кросс, можно сказать...

Матвей с детства любил легкую атлетику, занимался в спортивной секции. Не раз побеждал на городских и областных соревнованиях, отлично бегал, хорошо плавал, лазил по канату, подтягивался тридцать раз на турнике. Про футбол и говорить нечего – целыми днями гонял мяч во дворе. В школе у Матвея оценки были так себе, с трудом переползал из класса в класс, но учителя закрывали на это глаза: знали, что Прохоров – гордость района, будущий чемпион. Как минимум – Ленинграда и области, а может быть, и всего Советского Союза...

Матвей ходил в секцию при Ленинградском металлическом заводе, где трудился токарем его отец – человек уважаемый, потомственный рабочий. Павел Никифорович, конечно, хотел, чтобы сын продолжил профессию, но тренер твердо сказал: «У парня спортивный талант, пусть поступает в институт физкультуры. На экзаменах не придираются, смотрят в основном на спортивные достижения». И Павел Никифорович решил – пусть так, раз уж талант...

Матвей успешно окончил десятилетку и в 1938-м, как и посоветовал тренер, поступил в Институт физической культуры имени Лесгафта. А через год, в ноябре 1939-го, началась Зимняя война. Прохоров попросился на фронт – бить белофиннов. Несколько раз с ребятами ходил в военкомат (желающих оказалось много), но его, как и всех, гнали прочь: людей на фронте хватает! Глупые, необстрелянные мальчишки никому не нужны... Но в декабре неожиданно вышел приказ: формировать из спортсменов и студентов институтов физкультуры лыжные батальоны. И Матвей, наконец, попал в армию.

После подготовки его направили на Карельский перешеек, в 7-ю армию, штурмовать знаменитую «линию Маннергейма». Матвей хорошо воевал, не раз ходил в атаку, получил медаль «За отвагу» (первый ворвался в финские траншеи и захватил пулемет). Носил ее с большой гордостью, даже форсил перед всеми...

В апреле 1940-го его демобилизовали, и Матвей вернулся в родной Ленинград. Закончил учебный год – и снова пошел в военкомат. Там ему не удивились – многие ребята из института тоже захотели стать военными. Прохорова, как человека опытного и с медалью, направили на командирские курсы, и уже через год он получил лейтенантские «кубики». А вместе с ними – и свой взвод.

В конце мая 1941-го Матвей начал армейскую службу в 128-й стрелковой дивизии, стоявшей у самой границы с Польшей, в Литве. Там его и застала война.

* * *

...Воскресное утро 22-го июня началось для Матвея с пронзительного рева самолетов и грохота бомб. Под визгливые завывания «юнкерсов», теряя людей и технику, полк пошел навстречу немцам, но вскоре наткнулся на танковую колонну. Бой оказался коротким – танкеры практически в упор расстреляли полк, а затем раздавили тех, кто пытался спастись... Лесная трава сделалась красной от крови, и немецкие танкисты еще долго очищали гусеницы своих танков от человеческого мяса...

Серьезного сопротивления никто не оказал – настолько внезапным оказалось нападение. Кто думал, что противник будет уже на нашей территории? Обещали же – на чужой земле, малой кровью...

Взвод Матвея poleg почти полностью, из тридцати человек уцелело лишь четверо: он, сержант Филипчук и двое рядовых, Павлов и Ремчуков. И то лишь потому, что шли в самом конце колонны и успели скрыться в чаще. Потом долго блуждали, искали своих, но никого не нашли.

Окончательно выбившись из сил, легли спать в каком-то сарае. Ночью слышали шум моторов и резкие, лающие команды – появились немцы. Литовец, хозяин хутора, тут же показал, где спрячутся красноармейцы, и сарай окружили. Пришлось сдаваться...

Всех разоружили, обыскали, отобрали документы, фотокарточки, а еще папиросы и все мало-мальски ценное. Заперли в том же самом сарае, но приставили часового. Немцы обращались с пленниками довольно хорошо, не били, не издевались, даже снисходительно похлопывали по плечу: повезло вам, война для вас уже закончилась. Теперь не только останетесь живы, но и скоро вернетесь к своим семьям, будете честно и старательно трудиться на благо великой Германии. Дали даже поесть – вареную картошку и ржаной хлеб (видимо, из запасов хозяина-литовца).

Мордатый фельдфебель, немного говоривший по-русски, записал их имена и фамилии и спросил: «Есть евреи, коммунисты?» Матвей честно сказал, что он комсомолец, – глупо скрывать, если значок на груди, но немец лишь отмахнулся – это не то, за что сразу расстреливают....

Зато с большим уважением посмотрел на медаль (ее почему-то не отобрали). Потрогал, спросил, за что, Матвей честно ответил: «За войну в Финляндии». Фельдфебель с трудом, по слогам прочитал – «За отвагу», удовлетворенно кивнул: «Карош зольдат!» Посмотрел на «кубики» Матвея (не успел спороть) и ухмыльнулся: «Гут, герр офицер!» На этом разговор закончился.

Вечером у немцев началась пьянка – литовец выставил «дорогим освободителям» бутылку самогона. Громкие крики из дома то и дело прерывались игрой на губной гармошке и песнями: «Дочланд, Дочланд юбер аллес...» Наконец, глубокой ночью гитлеровцы успокоились, легли спать. У сарая остался лишь один часовой, да и тот часто клевал носом. «Пора, – решил Прохоров, – самое время делать ноги». Поговорил с товарищами, те его поддержали.

Матвей днем осмотрел сарай и заметил, что тот стоит без фундамента, прямо на земле. Значит, можно подкопать. Так и сделали: нашли обломок железки и, работая по очереди, вырыли под стеной лаз. И по одному, осторожно, протиснулись через него.

Хотели сразу рвануть в лес, но Прохоров остановил их: глупо уходить так – без оружия, вещей и документов. Гитлеровцы пьяные, самое время к ним наведаться. В доме всего пять человек, считая фельдфебеля (большая часть взвода уже ушла дальше), и, если пробраться потихоньку...

Но сначала надо разобраться с часовым. Матвей осторожно подобрался к немцу (тот мирно дремал у сарая) и с силой ударил железкой по голове. Солдат повалился, даже не вскрикнув. Матвей подобрал его винтовку – теперь можно и навестить тех, кто в доме.

На всякий случай (вдруг кто выйдет?) натянул поверх своей гимнастерки немецкий китель, надел пилотку – в темноте сойдет. И пошел к дому, остальные – за ним. Осторожно поднялись на крыльцо, подождали, пока глаза не привыкнут к темноте, осмотрелись. Литовец и семья (жена, трое худосочных детей) спят в амбаре – немцы их выгнали. Фельдфебель, как старший, занял горницу, остальные разместились в большой комнате. Кто-то спал на лавке, кто-то – прямо на полу, а один – даже за столом, уронив голову на руки. Да, неплохо вчера погуляли...

По-тихому, на носочках, переступая через спящих, пробрались в горницу. Половицы предательски скрипели, но солдаты настолько были пьяны, что никто даже глаза не открыл. Фельдфебель, развалившись, дрых на хозяйской кровати, громко, с присвистом храпел... Взяли свои вещи, а также немецкие винтовки, сумки с патронами (надо же вооружиться!), вышли во двор. Можно было, в принципе, уходить...

Но Матвей шепнул сержанту Филипчуку:

– Что, Иван, так и уйдем, не поблагодарив хозяев за радушие, за сердечное гостеприимство?

Тот кивнул:

– Нет, надо бы отблагодарить...

Вернулись, Матвей взял в комнате подсумок с гранатами и еще керосиновую лампу. Ремчуков и Павлов притащили сена: хотя и старое, прошлогоднее, но гореть будет хорошо. Обложили крыльцо и стены, полили керосином, приготовились...

Матвей расставил бойцов у окон, сам взял немецкие гранаты – умел с ними обращаться, в Зимнюю кампанию освоил. Такие же были и у белофиннов, по сути, это одна конструкция: металлический цилиндр со взрывчаткой, внутри – терка-запал. Выдерни шнур из длинной деревянной ручки – и бросай спокойно, задержка – целых пять секунд...

Одну за другой кинул две гранаты в комнату, где спали гитлеровцы, затем выскочил на крыльцо, махнул бойцам – поджигайте! Они запалили сено... Внутри дома грохнуло, из окон посыпались стекла, раздались чьи-то выкрики. На крыльцо, пошатываясь и держась за голову (видимо, оглушило), вышел полуодетый фельдфебель. Матвей вскинул винтовку, выстрелил в упор. С такого расстояния не промахнешься! Фельдфебель скатился по ступенькам вниз...

Остальные солдаты попытались выбраться через окна, но их быстро положили из винтовок. Никому уйти не удалось – во-первых, пьяные, а во-вторых, ничего не соображали после взрывов. А пламя уже лизало стены дома, перебиралось на крышу. Горело хорошо, ярко...

Из амбара выскочил хозяин-литовец, стал в отчаянье бегать вокруг дома и что-то кричать. Иван Филипчук схватил его за шкурку и со всей силы врезал по лицу – за предательство. Литовец тонко, пронзительно взвизгнул и драпанул в темноту...

– Пусть еще спасибо скажет, что не убил, – сплюнул сержант, – хотя следовало бы!

– Черт с ним, – махнул рукой Матвей, – пусть уходит. Нам тоже пора – здесь уже делать нечего.

И точно – огонь бушевал вовсю, внутри дома рвались патроны, вряд ли кто-то мог уцелеть. Через минуту Матвей бежал по лесу, за ним – и остальные бойцы. А сзади весело пылал хутор...

* * *

Оперативная сводка Совинформбюро за 26 августа 1942 года

В последний час

НАШИ ВОЙСКА НА ЗАПАДНОМ И КАЛИНИНСКОМ ФРОНТАХ ПЕРЕШЛИ В НАСТУПЛЕНИЕ И ПРОРВАЛИ ОБОРОНУ ПРОТИВНИКА. НЕМЕЦКИЕ ВОЙСКА ОТБРОШЕНЫ НА 40–50 КИЛОМЕТРОВ.

Войска Западного и Калининского фронтов на Ржевском и Гжатско-Вяземском направлениях частью сил перешли в наступление.

Ударом наших войск в первые же дни оборона противника была прорвана на фронте протяженностью 115 километров. Развивая наступление и нанося противнику непрерывные удары, наши войска разбили 161-ю, 342-ю, 292-ю, 129-ю, 6-ю, 256-ю германские пехотные дивизии, 14-ю и 36-ю мотодивизии и 2-ю танковую дивизию, нанесли значительное поражение 1-й и 5-й танковым дивизиям, 328-й, 183-й и 78-й пехотным дивизиям. Фронт немецких войск на указанных направлениях отброшен на 40–50 километров.

Нашими войсками освобождено 610 населенных пунктов, в их числе города Зубцов, Карманово, Погорелое-Городище. В указанных операциях, по неполным данным, нашими войсками захвачены следующие трофеи: танков – 250, орудий – 757, минометов – 567, пулеметов – 1 615, противотанковых ружей и автоматов – 929, винтовок – 11 100, мин – 17 090, ружейных патронов – 2 311 750, снарядов – 32 473, раций – 65, автомашин – 2 020, мотоциклов – 952, велосипедов – 1 969, тракторов – 52, кухонь – 37, повозок – 340, складов с боеприпасами, вещевым и другим имуществом – 75. Кроме того, уничтожено наземными войсками и авиацией: танков – 324, орудий – 343, минометов – 140, пулеметов – 348, автомашин – 2 040, повозок – 690.

В воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 252 самолета, уничтожено и повреждено на аэродромах 290 самолетов.

Количество убитых немецких солдат и офицеров достигает 45 000 человек.

Перемалывая живую силу фашистско-немецких дивизий, уничтожая и захватывая значительную часть их боевой техники, наши войска продолжают вести ожесточенные бои. Бои идут на окраинах города РЖЕВ.

В боях отличились войска генералов ЛЕЛЮШЕНКО, ФЕДЮНИНСКОГО, ХОЗИНА, ПОЛЕНОВА, РЕЙТЕРА, ШВЕЦОВА.

Прорыв немецкого фронта был организован генералом армии ЖУКОВЫМ и генерал-полковником КОНЕВЫМ.

Утреннее сообщение 26 августа

В течение ночи на 26 августа наши войска вели бои с противником в районах Клетская, северо-западнее Сталинграда, северо-восточнее Котельниково, а также в районах Прохладный и южнее Краснодара.

На других участках фронта никаких изменений не произошло.

Вечернее сообщение 26 августа

В течение 26 августа наши войска вели бои с противником в районах юго-восточнее Клетская, северо-западнее Сталинграда и северо-восточнее Котельниково, а также в районах Прохладный, Моздок и южнее Краснодара.

В результате успешного наступления наши войска на Западном и Калининском фронтах освободили 610 населенных пунктов, в том числе – города Зубцов, Карманово, Погорелое-Городище.

За 25 августа частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено 35 немецких танков, более 300 автомашин с войсками и грузами, 24 автоцистерны с горючим, подавлен огонь 12 батарей полевой и зенитной артиллерии, взорваны склады боеприпасов и 2 склада горючего, разбито три железнодорожных состава, рассеяно и частью уничтожено до двух батальонов пехоты противника.

* * *

Из дневника начальника Генштаба ОКХ Франца Гальдера:

«26 августа 1942 года, 432-й день войны. Обстановка на фронте. На Кавказе – без изменений. У Сталинграда – весьма напряженное положение из-за атак превосходящих сил противника.

Наши дивизии уже не так сильны. Командование слишком нервничает. Виттерсгейм, 14-й танковый корпус, хотел убрать назад свой вытянутый к Волге палец. Паулюс помешал этому.

У итальянцев на правом фланге большая неприятность (вклинение противника). Принимаются контрмеры.

Группа армий «Центр». Всех поразило утреннее донесение об оттягивании назад линии фронта у Шмидта, операция «Смерч». Я очень зол на то, что опять предстоит добровольно отдать местность противнику и что никто об этом не доложил своевременно. Группа армий утверждает, что об этом намерении разговор уже был. Это верно, но о конкретном решении доложено не было. Оно и с тактической точки зрения неправильно, так как они собираются ослабить нажим на противника.

У Рейнгардта благодаря успешному контрудару положение улучшилось. У Моделя сегодня более спокойный день, только к вечеру снова крупная атака южнее Зубцова.

Группа армий «Север». Множатся признаки близкого наступления русских южнее Ладожского озера.

Гросс-адмирал Редер прибыл с визитом. Разговор об обстановке.

Полковник Цильберг. Состав групп связи, направляемых к итальянцам и венграм».

Глава третья

На следующий день встретили отступающую стрелковую часть, присоединились и через неделю вышли к своим. Благоразумно не стали говорить о плене, зато о сожженных немцах рассказали подробно: мол, ночью подошли к литовскому хутору, обнаружили там пьяных гитлеровцев и решили их уничтожить. Что и сделали...

Матвей снова стал командиром взвода, а после гибели старшего лейтенанта Изломина – уже ротным. Вместе с дивизией дрался у Пскова, две недели держал оборону, там же угодил под немецкий артоналет и получил в ногу острый, зазубренный осколок. К счастью, задело не сильно, после двух недель в госпитале вернулся в строй: во вновь сформированную 128-ю дивизию (ее основательно пополнили за счет запасников, из местных).

Опять тяжелые бои, отступления, кровь и горечь поражений. Дивизия обороняла Лужский рубеж, потом отходила на Чудово и Любань, позже вошла в состав 54-й отдельной армии. В сентябре ее бросили на первый прорыв блокады Ленинграда, наступали у Ладоги, но не слишком успешно: немцы оперативно подтянули свежие силы, перебросили на опасный участок несколько пехотных, моторизованных и танковых дивизии, восстановили положение.

Следующие удары Красной армии на Синявино и станцию Мга также не увенчались успехом – немцы отразили и их тоже. Более того – сами перешли в контрнаступление и взяли ряд важных населенных пунктов. В тяжелейших боях 128-я дивизия потеряла большую часть своего личного состава, воевать уже стало почти некому. Пришлось перейти к обороне...

Под Синявино Прохорова ранило повторно, уже более серьезно. Появившийся откуда ни возьмись «мессер» (секунду назад никого не было!) безнаказанно расстрелял роту молодых красноармейцев, прибывших для пополнения (Матвей как раз учил их рыть окопы). Прошил фашист и его тоже... Два с половиной месяца провалялся в госпитале, а потом Матвея направили в 265-ю стрелковую дивизию, недавно прибывшую на Волховский фронт.

Начальник штаба дивизии полковник Ватрушев заметил молодого, но уже опытного командира, направил в разведроту. Расчет был простой: знаний и умений лейтенанту Прохорову не занимать, храбрости – тоже, а всему остальному он научится. На фронте всегда так: или ты учишься, или тебя убивают, третьего не дано. А им как раз нужен новый командир разведвзвода – вместо вышедшего Степанова...

Николай Васильевич не ошибся: Прохоров быстро нашел общий язык с разведчиками, стал своим. Его хорошо приняли: сильный, умелый парень, спортсмен, имеет медаль «За отвагу». В общем, наш человек...

Матвей не раз ходил в немецкий тыл, сначала учился, потом уже сам – возглавляя группу. В основном – за «языком», брали в прифронтовой полосе, но иногда приходилось довольно далеко углубляться в сторону Синявино. Набрался опыта, умений, весной получил старшего лейтенанта, а потом стал уже командиром роты – капитана Никифорова повысили. Начальство его ценило – почти всегда добивался результатов, а потери были небольшие. Кроме последнего раза, конечно... Но что делать, война есть война!

* * *

...Трофим Мишкин вел группу по едва заметным, давно не хоженным тропинкам. Если бы не он, пришлось бы идти вдоль узкоколейки, по которой раньше вывозили с участков торф, а это гораздо опасней – велик риск нарваться на гитлеровцев. Те часто пользовались старыми путями, чтобы подвезти технику, продукты, боеприпасы, пополнение.

Сначала грузы прибывали на станцию Мга, а оттуда на мотодрезинах их доставляли уже в нужное место. Поэтому дивизии вермахта, стоявшие у Синявинских высот, ни в чем не нуж-

дались, снабжение происходило регулярно. Узкоколейку тщательно охраняли – важная транспортная артерия, внимательно следили за состоянием путей. Что понятно: по местным дорогам доставлять грузы гораздо труднее: после дождей они обычно превращались в непроходимое месиво из грязи и глины. И в нем вязли не только грузовики, но даже танки... Мутная, желтая вода доходила машинам почти до бортов, они беспомощно буксовали и намертво «садились» в ямах. Более-менее надежным транспортным средством были конные подводы, но и их подчас тоже приходилось толкать вручную: бедные лошадки не справлялись...

В общем, русские дороги доставляли гитлеровцам не меньше хлопот, чем знаменитый климат... Немцы чертыхались: что это за страна! Осенью и весной – дожди и непролазная грязь; зимой – сильный мороз, снега и метели: летом – полчища комаров и невыносимая жара. Особенно доставала болотная мошка: постоянно висела в воздухе и доводила людей до иступления. Солдатам и офицерам, разумеется, выдавали кремы для защиты, но они помогали мало. Можно было еще протирать лицо и руки одеколоном – его запах не нравился мелким кровопийцам, но где его столько взять? Да и стоил он прилично...

Как спасались от зловредных насекомых русские, немцы достоверно не знали, но подозревали, что главным образом – за счет махорки: ее запах неплохо отгонял кровососов. Причем чем вонючей махра, тем легче жилось курящему. Германский табак в этом плане должного эффекта не давал – очень слабый. Русская махорка пользовалась у немецких солдат (и даже офицеров) большим уважением, ее в первую очередь искали в кисетах и карманах убитых красноармейцев.

...От Ладоги до Синявино тянулись сплошные торфяные разработки, местами сильно подтопленные и заболоченные, но пройти по ним, в принципе, было можно. Если, конечно, знать, где и, главное, как. И с помощью чего. Трофим Мишкин показал разведчикам, как делать мокроступы – из гибких ивовых прутьев. Отличная штука! Хорошо держит вес, ноги не проваливаются – надо только поднимать их повыше и не стоять долго на одном месте.

Немцы эти торфяники почти не охраняли, считали, что пройти по ним никак нельзя. Это было на руку разведчикам – шли без остановки. Поверх формы – пятнистые маскхалаты, на головах – плотные капюшоны, в руках – черные трофейные МР-38. По виду – точно как немцы...

К полудню преодолели значительную часть пути, сели передохнуть. День был ветреный и нежаркий – конец августа. Да, это наше северное лето, серое и унылое. Зато комаров стало гораздо меньше, все куда-то попрятались. Видимо, почувствовали перемену погоды. Достали табак, у кого что было, закурили.

– Дождь скоро будет, – уверенно произнес Трофим Мишкин, показывая на небо. – Вон, тучки уже наползают.

– Это хорошо, – кивнул Матвей Прохоров, – немцы носа из своих берлог не высунут. Можно на просеку свернуть, тогда через полтора-два часа будем уже на месте. Посмотрим, что нужно, и сразу же назад. А утром – уже у себя. Считай, за сутки обернулись...

– Опасно, – покачал головой осторожный Василий Зайцев, – по просеке, бывает, немецкие машины ездят. С охраной. Вдруг нарвемся?

– Так мы же как фрицы! – усмехнулся сержант Колядов. – К тому же, мотор слышно издали, если что, успеем спрятаться. Столько времени сэкономим!

– Гладко было на бумаге, – скептически заметил Зайцев, – помнишь эту пословицу?

– Помню, – кивнул Колядов, – но есть и другая, про тех, кто не рискует.

– Пойдем по просеке, – прервал дискуссию Прохоров, – время нам очень дорого. В штабе ждут наших донесений, надо сообщить о новых танках, если это они... А если что, успеем спрятаться в ельник...

* * *

Свернули на просеку, пошли чуть быстрее. Вскоре заморосил мелкий дождик, земля размокла, идти стало труднее – ноги скользили по траве, глина налипала на сапоги, приходилось останавливаться и очищать. Но все равно шли бодро – по просеке раньше вывозили торф на станцию Мга, раскатали хорошо...

Слева, со стороны узкоколейки, периодически доносился шум дрезины – проезжали немцы. Но их не видели – деревья мешали. Да и не хотелось гитлеровцам высовываться из теплых кабин под холодный дождик...

Василий Зайцев шел первым, вдруг остановился и подал знак – внимание, опасность! Бросились влево и вправо, залегли. Василий постоял немного, к чему-то прислушиваясь, а потом махнул рукой – можно! Но пошел медленно, осторожно, готовый в любой момент тоже нырнуть в кусты. Матвей нагнал его, шепотом спросил: «Что там?» Зайцев так же тихо ответил: «Фрицы...»

Прохоров прислушался: действительно, за ближайшим поворотом слышалась чужая речь. Немецкий гортанный говор ни с чем не спутаешь... Что это – патруль? Или пост на дороге? Раньше же не было... Ладно, сейчас разберемся. Взяли правее, пробрались через кусты. Матвей подполз ближе к дороге, осторожно высунулся...

...Посреди просеки, в огромной луже, стоял серый, заляпанный грязью «опель». Возле него топтались двое, судя по форме – водитель-ефрейтор и майор. Последний, очень недовольный, что-то громко высказывал своему подчиненному. Ефрейтор имел весьма виноватый вид, но все же пытался оправдаться: «Герр майор, здесь такие дороги...»

Хотел, мол, объехать эту проклятую яму, но колеса заскользили, машина пошла юзом. А теперь «села» в грязи... И ему одному ее ни за что не вы толкнуть.

Майор недовольно фыркнул (вот болван, не смог объехать лужу!) и приказал: давай бегом в поселок (до него километра четыре), позовешь кого-нибудь. Пусть пришлют грузовик, а еще лучше – тягач. А я пока здесь подожду...

Матвей задумался: редкое везение – штабной офицер, причем сам идет в руки, даже стараться не надо. Но с другой стороны... Не мешает ли это выполнению задания? Исчезновение майора наверняка заметят, поднимут шум, станут прочесывать лес. А нужно сделать все тихо... Но, опять же, сведения, полученные от него, могут оказаться очень полезными, дать гораздо больше, чем просто осмотр новых танков. А вдруг этот майор имеет отношение к новым панцерам, сможет рассказать о них что-то интересное? Тогда цены ему не будет!

Черт, и хочется, и колется... «Ладно, рискнем, – решил Прохоров, – иначе потом всю жизнь жалеть буду: такого жирного гуся упустил!» И тихо приказал – берем немца!

* * *

Майор поорал еще немного (водитель по-прежнему униженно молчал, но бежать в поселок не спешил – ждал, не появится ли на просеке кто-то, кого можно привлечь к вытаскиванию машины) и пошел к кустам – видимо, отлить. Остановился, откинул полог шинели, завопил с брьюками...

Прохоров махнул рукой – давай! Первым вылетел из засады, в три прыжка оказался позади майора. Ударил кулаком, оглушил. Немец тонко вскрикнул, схватился за затылок... Матвей нанес еще один удар – не слишком сильный, но довольно чувствительный. Майор тяжело осел на землю...

В это время Зайцев и Колядов подскочили к водителю, наставили на него автоматы. Ефрейтор благоразумно поднял руки вверх. Правильно, не та ситуация, чтобы геройствовать.

Пленных связали, посадили на землю, Матвей задал по-немецки пару вопросов – для начала. Ефрейтор отвечал охотно и всем своим видом показывал, что запыраться не станет, майор же молчал и злобно щурился на разведчиков. И еще дергался, пытаясь ослабить путы, пришлось стукнуть еще раз – для профилактики. Обыскали машину, заглянули в майорский портфель – карты и приказы. Бумаги, конечно, очень интересные, но о новых танках ничего нет...

Матвей стал расспрашивать майора о панцерах, но тот по-прежнему молчал. Лишь презрительно поджимал губы. Да, крепкий орешек... Было бы время, ему, конечно бы, развязали язык, но нужно убраться скорее... В первую очередь – спрятать легковушку, чтобы не обнаружили. Тогда и майора не сразу хватятся... Хорошо, что еще дождь, смывает все следы.

Тут в голову Прохорову пришла отличная идея – как использовать этот подарок судьбы. Рассказал остальным, Василий Зайцев иронически хмыкнул – ну, это же просто наглость! Колядов с Ткачуком горячо поддержали: отлично придумано! Трофима Мишкина, как новичка, не спрашивали – молод еще, не заслужил право голоса.

Матвей приказали водителю и майору раздеться, снять верхнюю одежду. Ефрейтор забился в истерике, начал всхлипывать, жалобно скулить и нервно повторять: «Найн, найн!» Вскочил, попытался бежать... Майор же всем своим видом показывал, что ему ничего не страшно.

Не без труда, но выполнили задуманное: оставили немцев в одном исподнем. Шофера все же пришлось ликвидировать – тот плакал, кричал, мог привлечь внимание. А это нам ни к чему... Василий Зайцев прижал ствол автомата к затылку немца и нажал на спусковой крючок – быстро и тихо. Оттащили тело за деревья, забросали ветками.

Майор сильно побледнел, но гордо вскинул голову: видимо, решил, что пришла его последняя минута. Попросил разрешения прочитать молитву... Прохоров усмехнулся: может, и убьем, но не сейчас! Он решил все же попробовать доставить майора в штаб дивизии – если получится, конечно. Если там на немца как следует надавят, получат ценные сведения...

Штабиста связали покрепче (чтобы не пытался бежать), сунули в рот кляп и бросили в багажник машины, закрыв сверху брезентом. Пусть пока по лежит.

Навались все вместе и вытолкнули «опель» на сухое место, Иван Ткачук переоделся в форму ефрейтора, сел за руль – как шофер, Матвей – рядом, в одежде майора, Зайцев, Колядов и Мишкин тесно разместились на заднем сиденье. Если не приглядываться, вполне себе немцы...

«Опель» натужно заурчал, побуксовал немного и покатил на юг – к станции Мга.

* * *

Из дневника начальника Генштаба ОКХ Франца Гальдера:

«27 августа 1942 года, 432-й день войны. Обстановка на фронте.

На юге – без существенных изменений. Положение у Сталинграда улучшилось. Вклинение на фронте у итальянцев оказалось не столь уж опасным. Тем не менее, туда повернута 298-я дивизия и направлен ускоренным порядком альпийский (итальянский) корпус.

Под Воронежем, по всей видимости, затишье. Части, которые вели там атаки, появились под Сталинградом.

Группа армий «Центр». Атаки на фронте 2-й танковой армии уже не такие мощные, как вчера. У 3-й танковой армии спокойно, у 9-й – перегруппировка в районе южнее Ржева, где ожидаются новые удары.

Группа армий «Север». Ожидавшееся наступление южнее Ладоги началось. Пока только местные вклинения. В основном удары отражены. На остальных участках фронта группы армий картина почти без изменений...»

* * *

Оперативная сводка Совинформбюро за 28 августа 1942 года

Утреннее сообщение 28 августа

В течение ночи на 28 августа наши войска вели бои с противником на окраинах города Ржева, юго-восточнее Клетская, северо-западнее Сталинграда, северо-восточнее Котельниково, а также в районах Прохладный, Моздок и южнее Краснодара.

На других участках фронта никаких изменений не произошло.

Вечернее сообщение 28 августа

В течение 28 августа наши войска вели бои на окраинах города Ржева, юго-восточнее Клетская, северо-западнее Сталинграда, северо-восточнее Котельниково, а также в районах Прохладный, Моздок и южнее Краснодара.

На других участках фронта никаких изменений не произошло.

Наши корабли в Черном море потопили подводную лодку противника.

За 27 августа частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено до 25 немецких танков и бронемашин, более 150 автомашин с войсками и грузами, до 40 повозок с боеприпасами, 12 автоцистерн с горючим, подавлен огонь 8 батарей полевой и зенитной артиллерии, взорван склад боеприпасов, рассеяно и частью уничтожено до двух батальонов пехоты противника. В Балтийском море наша авиация потопила немецкий транспорт.

Глава четвертая

Идея была безумная, но сработала – Матвею сегодня действительно везло. Доехали без проблем почти до самой Мги. Но на переезде через железнодорожную линию притормозили – немецкий пост: два солдата в мокрых шинелях и молоденький унтер.

Матвей надвинул поглубже на лоб офицерскую фуражку и небрежно показал через стекло документы, изъятые у майора. Этого оказалось достаточно: унтер не стал проверять. Он уже видел эту машину сегодня, всего два часа назад, когда направлялась в Синявино, зачем досматривать дважды, задерживать штабное начальство?

На трех солдат на заднем сиденье вообще внимания не обратил: значит, так надо. Может, это личная охрана герра майора – в здешних лесах, говорят, шалют партизаны. И махнул рукой: поднять шлагбаум! «Опель» спокойно проехал дальше...

Но нагнать все же не стоило, станция была уже совсем близко, кто-то мог заподозрить неладное... Свернули в небольшой лесок, проломились через кустарник, встали на полянке. Решили так: Ткачук и Мишкин останутся в машине – караулить майора. В случае чего – штабиста убить, «опель» поджечь и идти на север, к линии фронта. Трофим тропинки знает, проведет. Остальные попытаются подобраться к станции и выяснить, что это за танки. На них одним глазком хотя бы взглянуть! Но лучше, конечно же, своими руками пощупать. Образно говоря.

Матвей переоделся обратно в свою одежду, натянул поверх формы маскхалат, взял в руки немецкий автомат – все, можно идти. Выбрали тропинку вдоль железнодорожной линии: почва, конечно, низинная, топкая, вода чавкает под ногами, зато с шоссе не видно – густые ивовые кусты закрывают.

Шли, с трудом вытаскивая сапоги из грязи. Резко пахло железом – то тут, то там встречались ржавые, почерневшие остовы вагонов. Их разбили еще летом сорок первого, когда началось большое немецкое наступление на Ленинград. «Юнкерсы» висели над железной дорогой, безжалостно уничтожали проходящие составы. Им было все равно: воинский это эшелон, санитарный или же вообще пассажирский...

Бомбили беспощадно и очень точно – сваливались в воюющем пике и наносили смертельные удары. А потом на бреющем полете безжалостно расстреливали разбегающихся в страхе людей. Знали, что ответить им некому: советских истребителей остро не хватало, а зенитчики со своей задачей явно не справлялись.

Сколько людей тогда погибло, сколько техники сгорело! Жуть! В кустах и на откосах до сих пор стояли черные скелеты вагонов и остатки машин... Все гнилое, давно мертвое, ни на что не годное. Матвей тяжело вздохнул – он отлично помнил тот кровавый август: бесконечные воинские колонны, конные подводы с армейским имуществом, грузовики с ранеными. Уныло бредущие беженцы, а по обочинам – многочисленные воронки.

Усталые, безразличные люди шли на восток, на серых лицах – печать обреченности. Только бы уйти от немцев! Хаос, слухи, паника... И черные «юнкерсы», с жутким воем падающие из голубой бездны прямо на головы и несущие смерть... Колхозники гнали скот, вывозили зерно, из пригородов эвакуировали все, что можно: заводское оборудование, станки, материалы, музейные ценности, архивы. Но многое так и не удалось спасти...

Как раз год назад лейтенант Прохоров отступал со своей ротой от Мги на Келколово, где-то здесь должна быть и могила сержанта Филипчука... В июле 1941-го Матвея назначили ротным, а Иван стал его взводным – командиров тогда остро не хватало. Рядовых Павлова и Ремчукова, кстати, после выхода из окружения направили в другой батальон, об их судьбе Прохоров ничего не знал.

В конце августа 128-я стрелковая дивизия шла от Чудова к Ладогe, Матвею приказали занять оборону на одном из переездов: надо задержать немцев. По железной дороге спешили

военные эшелоны, везли в Ленинград уголь и продовольствие, а оттуда – жителей. Вот и надо продержаться как можно дольше...

Но как, с кем? От дивизии к тому времени мало что осталось, родной стрелковый полк насчитывал всего триста пятьдесят человек – это со всеми шоферами, поварами, писарями, ездовыми, обозниками и прочими. В роте у самого Прохорова – двадцать шесть бойцов, причем многие – с ранениями или же контуженные. А из всех противотанковых средств – только одна приданная «сорокапятка» с расчетом (пять человек). Да плюс еще ящик гранат РПГ-40 – тяжелых и очень неудобных для броска... Чтобы поразить танк, нужно было обязательно точно попасть – граната срабатывала только от удара. Не добросишь, промажешь – взрыва не будет.

Кидать рекомендовалось с близкого расстояния, метров с двадцати, не больше. Это знало, что тебя наверняка заметят и срежут пулеметной очередью... И не факт, что удастся еще подбить панцер: лобовая броня (особенно у Pz.III и Pz. IV) – прочная, а кинуть гранату на моторный отсек (как рекомендовалось в инструкциях) – вообще нереально.

...Это же нужно пропустить немецкий танк мимо себя, ждать, скрючившись, на дне окопа или стрелковой ячейки, пока не переползет и не подставит свою корму... Рискую всякую секунду быть раздавленным, размазанным гусеницами или засыпанным землей. Далеко не каждый мог выдержать, наоборот, у большинства не выдерживали нервы (особенно у молодых), люди выскакивали из траншей и в ужасе бежали...

Лучше всего, конечно, было попасть в гусеницу – тогда панцер точно останавливался, но это было сложно – нужны меткость, выдержка и еще везение. Однако именно так поступил сержант Филипчук, когда решил остановить немецкую машину...

...Рота залегла за высокой железнодорожной насыпью: впереди – ровная, плоская низина, покрытая редким кустарником, слева и справа – никого, одни на переезде. Как хочешь, так и сражайся...

Немцы шли по шоссе, одной колонной, и были абсолютно уверены, что смогут легко сбить не слишком прочную охрану переезда. Еще бы – у них целых четыре панцера (три «тройки» и «двойка»), а еще – гусеничный бронетранспортер и несколько грузовиков с мотопехотой.

В авангарде, в качестве разведки, двигались мотоциклисты с MG-34 в колясках. Глаза водителей и пулеметчиков были плотно закрыты прямоугольными очками, черные стволы грозно смотрели вперед... Треск от трехколесных машин стоял такой, что глушил даже близкие артиллерийские раскаты...

Матвей поставил два пулемета слева и справа от переезда, а бойцов растянул жидкой цепочкой вдоль насыпи. Артиллеристы выбрали себе позицию сами – чуть впереди, в густом орешнике. Замаскировались так, что даже с близкого расстояния не заметишь. Отличная засада!

По договоренности, первыми начинали бойцы Прохорова – чтобы немцы сосредоточили весь огонь на них и подставились под «сорокапятку». Вся надежда была только на нее – нужно подбить хотя бы два-три танка...

План сработал: Матвей приказал подпустить мотоциклистов как можно ближе и расстрелять из пулеметов. «Максимы» дружно, радостно забили, к ним тут же присоединились и винтовки – захлопали неровно, вразнобой, но густо. Молодые воины, к сожалению, стреляли не очень точно: большинство – мимо, зато шум создавали большой...

Мотоциклисты резко встали, их MG-34 открыли ответный огонь: хрипло, зло залаяли, выплевывая короткие очереди. Немецкие солдаты выпрыгнули из грузовиков, рассыпалась по полю. Но вперед пока не шли, отдавая всю инициативу панцерам – пусть раздавят русских.

Танки, не снижая скорости, пошли на переезд: гитлеровцы видели, что в обороне – всего несколько десятков человек, а потому лезли нагло, напролом. Сомнем, мол, с ходу, сотрем в пыль! Дали залп из орудий, но промахнулись – снаряды легли далеко, никого не задев. Стре-

ляли скорее для психологического эффекта: у всех Рз.ІІІ – 37-м пушки, не слишком, прямо скажем, грозные.

Самой опасной была немецкая «двойка»: ее автоматическая 20-мм пушка била, как бешеная (четыре выстрела в секунду!), буквально перепыхивая насыпь. Послышались стоны и крики раненых, а правый пулеметный расчет вообще замолк, огрызнулся один только левый...

Положение стало критическим: еще немного, и танки прорвутся на переезд! Вот тут и ударила из засады «сорокапятка». Командир расчета старший сержант Рядов не зря тянул время: знал, что после того, как их обнаружат, в запасе будет всего три-четыре выстрела. Может, и того меньше... А потом их накроют из танковых орудий или пулеметов...

Попали в корпус «двойки», она сразу встала и загорелась – к великой радости красноармейцев. 45-мм снаряд пробил борт пантера, никто из него не вылез...

Однако «тройки» продолжали наступление: увидели, откуда велся огонь, и развернули орудия в сторону «сорокапятки». Артиллеристы успели сделать еще два выстрела (и подбили ближайший танк – прямо под башню), а затем их накрыли. Снаряды угодили точно в пушку, вывели ее из строя, из пяти человек расчета спаслись лишь двое, в том числе и старший сержант Рядов. Получил осколок в ногу, но смог доползти до переезда, и уже ночью его вынесли вместе с другими ранеными.

Разделавшись с «сорокапяткой», танцеры опять пошли на переезд. Уже более смело – больше угрозы нет... Головной танк с ходу сбил шлагбаум, выскочил на полотно и заскрежетал гусеницами по рельсам. «Вот и все, – мрачно подумал Матвей Прохоров, – сейчас нас сомнут, раздавят». Но навстречу «тройке» бросился сержант Филипчук. На ходу размахнулся и метнул тяжелую гранату под левую гусеницу...

Грохнул взрыв, танкер повело – сдал назад, а затем вообще встал. По полотну за ним размоталась длинная стальная гусеница. Но экипаж продолжал драться – нервно забил курсовой пулемет...

Филипчук не успел спрятаться за насыпь, не хватило буквально секунды. Уже развернулся, присел, но тут его срезало очередью. Нелепо взмахнул руками и скатился вниз... Даже не вскрикнул – сразу потерял сознание. На горячую, пыльную землю потекла алая кровь...

Матвей Прохоров видел, что Ивана ранило, но помочь ему не мог: наводил порядок среди бойцов. А то некоторые, самые нестойкие, уже собрались было бежать. Пришлось приводить их в чувство... К счастью, удалось быстро восстановить дисциплину и продолжить бой. Когда же подполз к Филипчуку, то увидел, что уже поздно, – сержант умер. Экипаж подбитой «тройки» покинул машину, отомстить ему за гибель Филипчука не успели...

Командир последней «тройки» вообще не рискнул идти на переезд: побоялся очередного русского с гранатой... Пострелял немного, больше для вида, и пошел назад. Но не далеко: отполз на километр-полтора и стал чего-то ждать. Вскоре выяснилось, чего: в бледном, словно выстиранном, небе слышался низкий, протяжный гул, кто-то истошно закричал: «Юнкеры!» Действительно, то были Ю-87. Не спеша встали в круг и, срываясь вниз по одному, стали утюжить переезд. Налетали с протяжным, рвущим душу воем и скидывали бомбы...

Укрыться от них было негде: ни глубоких окопов, ни хороших щелей сделать не успели, все как на ладони. «Лаптежники» с надсадным, визгливым звуком устремлялись вниз, сбрасывали свой груз, а потом резко взмывали вверх – чтобы чрез пару минут вновь повторить атаку. За двадцать минут от роты ничего не осталось...

Но Прохорову и нескольким бойцам, к счастью, повезло: успели нырнуть в толстую бетонную трубу, проходившую под насыпью. Там было грязно, тесно, дышать совершенно нечем (воздух наполнился кислым, удушливым запахом взрывчатки), земля, осыпаясь, забивала нос и рот... Но выжили – труба оказалась отличным убежищем. Спаслись и от бомб, и от пулеметных очередей, которыми немецкие летчики, улетаая, щедро полили позиции роты...

Выжило двенадцать человек, в том числе и сам Прохоров. Надо было сражаться дальше, поэтому Матвей собрал оставшихся бойцов и приказал: «Будем стоять до последнего, до конца! Есть еще пулемет, есть и гранаты...» Но немцы в этот день больше не атаковали: наверное, сочли потери слишком большими, решили ждать подкрепления.

А поздно вечером, уже ночью, пришел из штаба дивизии приказ – отступить на Келково. Похоронили в воронке павших бойцов, закидали сверху землей: «Прощайте, товарищи!» Но для сержанта Филипчука Матвей приказал соорудить отдельную могилу – у старого, расщепленного надвое дуба. Хотел, чтобы остался приметный знак, по которому можно будет потом найти ее и поставить уже настоящий памятник. Иван Филипчук, по сути, спас его и других бойцов, иначе бы панцеры всех раздавили...

Положили тело в неглубокую яму, засыпали землей, Прохоров сделал из четырех дощечек подобие пирамидки, на одной стороне вывел химическим карандашом: «Сержант Иван Филипчук, геройски погибший...» И поставил дату. Постоял немного с обнаженной головой, повздыхал и пошел догонять своих бойцов. До утра предстояло пройти приличное расстояние и еще окопаться на новых рубежах...

И вот сейчас Матвей вспомнил тот бой. И подумал: скорее всего, могила сержанта не сохранилась – немцы с захоронениями наших солдат не церемонятся, давят гусеницами, сравнивают с землей. Да и надпись он сделал карандашом, наверняка уже смыло дождем...

Но твердо пообещал себе, что, если останется жив, обязательно вернется и отыщет эту могилу. А потом добьется того, чтобы Ивану Филипчуку поставили настоящий, бетонный памятник с красной звездой наверху. Как и положено герою. Или, может быть, лучше даже из стали... Да, так будет правильнее: именно стальным и был погибший сержант. Пусть память о нем сохранится долго...

* * *

...Подшли к Мге, пробрались через огороды, миновали длинный дощатый барак, где раньше жили рабочие-железнодорожники. Дальше начались разъезды, стрелки, рельсы...

На самой станции – старый деревянный вокзал, пакгаузы, угольные склады, паровозное депо, цистерны для воды, низенькие платформы... Матвей приказал Зайцеву и Колядову следить за обстановкой, сам залез на высокий, ветвистый тополь. Спрятался и начал осматривать станцию в бинокль.

...Заметил черный маневренный паровоз, бойко, в клубах горячего пара, снующий взад и вперед по рельсам, два немецких эшелона, уже готовых к отправке. Первый, с какой-то бронетехникой под брезентами (очевидно, везли в тыл, на ремонт), был уже полностью загружен, второй, санитарный, только заполнялся. Возле него сутились солдаты в мышинной форме, их подгоняли унтер-офицеры – чтобы шевелились быстрее.

К санитарным вагонам непрерывно подползали грузовики и конные подводы, раненых снимали и заносили внутрь. У стрелки ждал рабочий – чтобы немедленно перевести, как только все будет закончено. Чуть дальше, на третьем пути, стоял товарняк, очевидно, только недавно прибывший на станцию. Из него выносили какие-то тяжелые ящики, коробки и мешки – похоже, продовольствие и имущество. Там не спешили – не самый срочный груз...

Панцеров нигде видно не было, что, впрочем, Матвея не удивило: если это и впрямь новая техника, ее наверняка держат где-то дальше. Вопрос: где именно? Специальных боксов на станции нет, ангаров тоже, значит, скорее всего, за пакгаузами, на пустыре. Значит, нам туда...

Слез с дерева, махнул Зайцеву и Колядову – и побежал за станцию, сержанты – следом. Прятались за покосившимися заборами, проскакивали узкие улочки, стараясь быть незамет-

ными. Хорошо, что в маскхалатах: может, и не обратят на них немцы внимания, если вдруг встретят...

Пока везло: обогнули склады, вышли к пустырю – и сразу же увидели танцеры; стоят, укрытые брезентом и пятнистыми маскировочными сетями. Рядом деловито суетятся техники: что-то смотрят, ковыряются в двигателях. Очевидно, последняя проверка перед сражением...

По периметру ходят часовые – один с ближней стороны, другой – с дальней, но явно скучают – опасности-то никакой. Глубокий тыл, до передовой – почти двадцать километров. Справа, у небольшого сарая, – пирамида из снарядных ящиков, тут же стоят железные бочки с горючим. Все говорит о том, что танки скоро пойдут в бой.

Матвей осмотрелся: из девяти машин шесть заметно выделяются по своим габаритам. Наверное, это и есть те самые, о которых говорил обходчик. Гусеницы – широкие, корпус – прямоугольный, с вертикальными бортами, башни – угловатые, лобастые. Обратил внимание на пушку: необычно длинная, с массивным дульным тормозом. Да, таких он тоже никогда не видел: и правда что-то новенькое! Три других танка его не заинтересовали – Pz.III, давно и хорошо знакомые машины.

Как бы подобраться к ним поближе? Часовые ходят, словно заведенные, туда-сюда, да и вообще полно народу: механики, водители, техники. Заливают в баки горючее, пробуют двигатели, подтаскивают ящики со снарядами. В общем, кипит работа, готовится немецкая техника выступить...

Матвей вздохнул: зря, наверное, снял немецкую форму, но потом быстро сообразил: она не помогла бы – непременно остановили бы и попросили предъявить документы. Чужому (пусть даже штабному майору) у этих танцеров делать нечего... «Эх, сюда бы нашу шапку-невидимку, – подумал Прохоров, – тогда бы проскочили. Но где взять? Не помешали бы еще и сапоги-скороходы – быстрее добраться до своих и передать сведения». Но о них приходилось только мечтать...

* * *

Оперативная сводка Совинформбюро за 29 августа 1942 года

Утреннее сообщение 29 августа

В течение ночи на 29 августа наши войска вели бои с противником на окраинах города Ржева, юго-восточнее Клетская, северо-западнее Сталинграда, северо-восточнее Котельниково, а также к районам Прохладный, Моздок и южнее Краснодара.

На других участках фронта никаких изменений не произошло.

Вечернее сообщение 29 августа

В течение 29 августа на фронтах существенных изменений не произошло.

За 28 августа частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено до 20 немецких танков и бронемашин, более 100 автомашин с войсками и грузами, подавлен огонь 8 батарей полевой и зенитной артиллерии, взорвано 3 склада боеприпасов и 2 склада горючего, разбито два железнодорожных эшелона, рассеяно и частью уничтожено до полутора батальонов пехоты противника.

* * *

Из дневника начальника Генштаба ОКХ Франца Гальдера:

«28 августа 1942 года, 433-й день войны. Обстановка на фронте.

Группа армий «А». Местные успехи на Северном Кавказе.

Группа армий «Б». Разрядка обстановки у 6-й армии, перегруппировка у 4-й танковой армии. На левом фланге 6-й армии что-то начинается. На остальных участках фронта группы армий «Б» спокойно. С фронта 2-й армии все больше и больше соединений отводится назад в резерв.

Группа армий «Центр». Отражены мощные удары противника на фронте 2-й танковой армии и на северном фланге участка прорыва у 9-й армии.

Группа армий «Север». Весьма неприятный прорыв противника южнее Ладожского озера. Кроме того, отмечается подготовка к наступлению на Волховском фронте...»

Глава пятая

Однако чудеса, оказывается, все же бывают. В данный момент это чудо называлось простым и понятным немецким словом «орднунг».

На танковую площадку вышел высокий, плотный фельдфебель и что-то громко прокричал. Солдаты, техники и панцргренадеры, оставив работу, потянулись к длинному дощатому зданию – судя по всему, столовой. Оттуда уже давно аппетитно тянуло печным дымом и вкусно пахло вареной картошкой... «Обед! – сообразил Матвей. – У немцев с этим строго, все по расписанию. Значит, какое-то время на площадке никого не будет...»

И точно: кроме часовых, по-прежнему размеренно вышагивающих взад и вперед, людей не осталось, все пошли есть, в том числе и офицеры – в собственную столовую, в здании вокзала, где раньше был буфет. «Повезло, – решил Прохоров, – такой шанс упускать никак нельзя!»

Показал глазами Зайцеву и Колядову на ближайшего часового – этот ваш. Сам же решил заняться вторым. Побежал, прячась за низкими заборами и какими-то сараями, залег в кустах и стал ждать. Ему хорошо был виден весь пустырь, а также первый часовой – он как раз приблизился к засаде. Прошел рядом с разведчиками, буквально в паре-тройке метров, ничего не заметив, – ребята отлично спрятались.

Сержант Зайцев приподнялся, приготовился прыгнуть. Часовой услышал какой-то шум, стал оборачиваться, но не успел – Василий нанес удар первым, нож точно вошел в сердце часового. Немец даже не вскрикнул... Вдвоем с Федором подхватили убитого и потащили в сторону...

Матвей, чтобы отвлечь внимание «своего» гитлеровца (а заодно и развернуть его спиной, чтобы не видел, что делается на той стороне), бросил на площадку камень. Немец краем глаза заметил подозрительное движение, обернулся и пошел к кустам – проверить. Матвей ждал: как только фриц подошел, мгновенно выскочил и вонзил ему в шею финку. Часовой захрипел, схватился за горло, уронил винтовку... Еще один удар – и все было кончено.

Тяжелое, обмякшее тело Матвей отволокло кусты, туда же бросил и винтовку. Вернулся на площадку и махнул рукой ребятам – бегом ко мне! Те бросились к танкам. Матвей понимал, что времени у них совсем мало, в любой момент могут вернуться с обеда фрицы, а потому решил разделить группу – чтобы осмотреть как можно больше машин. Кивнул Колядову и Зайцеву: вы – к тому танку, а я – к этому...

Подбежал к танку, резко сдернул с него маскировочную сеть. Она сползла неожиданно легко – экипаж почему-то не закрепил, просто накинул на башню сверху...

Пятнистая ткань упала, и перед Прохоровым предстала вся машина – действительно, необычная: прямоугольный корпус, квадратная башня со скошенным «рылом», длинное оружие с тяжелым дульным тормозом... Матвей вкарабкался на борт, нырнул в башенный люк. Сориентировался: вот место командира, там – наводчика, а здесь – заряжающего. Значит, экипаж из пяти человек, как и в Pz.IV, даже внешне они чем-то похожи, особенно командирскими башенками и общей «коробчатой» конфигурацией. Но этот танк – значительно больше, и пушка у него крупнее, тяжелее. Надо бы и систему управления посмотреть...

Полез дальше, сел на место механика-водителя. Ага, тоже все знакомое: руль – как у «четверки», рядом – сиденье для радиста-пулеметчика. Вот и приклад MG-34 торчит, а еще один пулемет – в башне, у орудия, как положено.

А это что? Прохоров заметил у сиденья водителя небольшую брошюру на немецком. Тонкую, с какими-то рисунками. Неужели инструкция по управлению танком? Вот это удача! Схватил, не глядя – потом разберемся! Вылез из люка, спрыгнул вниз, присел возле гусениц – решил измерить, хотя бы примерно. Необычно широкие... Но это правильно, должны держать

танк, чтобы не проваливался в мягкий грунт. Да, таких тяжелых бронированных машин у гитлеровцев прежде не было. Прикинул толщину брони по срезу люка – как минимум, 100 мм...

В это время на дальней стороне площадки послышались голоса: немцы возвращались с обеда. Пять человек. Шли в угол, где было огорожено место для курения. Не торопясь, о чем-то разговаривая между собой. На ходу доставали из карманов пачки с сигаретами.....

Двое обернулись, заметили у своих панцеров незнакомых людей в маскхалатах, решили окликнуть – что вы тут делаете? Чужим сюда нельзя! Матвей посмотрел: оба сержанта были заняты осмотром соседнего танка, значит, придется самому...

Поднялся, широко улыбнулся, помахал рукой – мол, все в порядке, мы свои! Вот, увидели ваши машины и решили полюбопытствовать... А сам незаметно положил правую руку на финку.

Танкист в черном комбинезоне и пехотный унтер в серо-мышинной форме отделились от группы, направились к нему. Но все еще не спеша, чуть расслаблено – после хорошего-то обеда! Уверенный вид Матвея, видимо, успокоил их – русские так не держатся, наверняка бы занервничали. Унтер еще о чем-то спросил, Матвей чуть пожал плечами, показал – мол, не слышу, далеко очень, подойдите ближе! Оружия у немцев с собой не было, значит, опасности они не представляли. Лишь бы не подняли шума...

Зайцев и Колядов заметили гостей и приподняли свои автоматы, но Матвей отрицательно покачал головой – нельзя! Сержанты кивнули – понятно. Сдвинули МР-38 за спины, чтобы не мешали, незаметным движением достали ножи...

Гитлеровцы подошли, пехотный унтер поискал глазами часовых и, не найдя, удивился. И опять о чем-то спросил, но уже более настойчиво, протянул руку – предъявите ваши документы! Прохоров чуть распустил тесемки маскхалата и полез левой рукой в нагрудный карман. Нашупал удостоверение майора, протянул, унтер взял, раскрыл, стал читать. Танкист из любопытства заглядывал ему через плечо... Зайцев и Колядов встали сбоку от гитлеровцев, совсем близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.